

— Ваш подчинённый не осмелится. — Юноша взглянул на князя, поднялся и, поддерживая Фэн Мина, отказался принять его поклон, лишь приглушённо сказал: — Ваш подчинённый и правда знает, где цветёт Вэньлань, и мне не сложно поделиться этим с молодым господином. Лишь прошу молодого господина ответить на мой вопрос.

— Снова ответить на вопрос? — лицо Фэн Мина едва заметно скривилось.

Неужели ему, князю, суждено быть постоянно отвечающим на вопросы учеником даже после того, как он «удрал» от Ле Чжунлю?

— Спрашивай что хотел... — обессиленным тоном проговорил Фэн Мин, думая: «Надеюсь, вопрос будет не о каком-нибудь общем положении в мире или как решить политический кризис?!»

— Шпион, которого отправляли разведать обстановку в Тун, уже вернулся и доложил, что наследный принц Тун по-прежнему хочет отомстить молодому господину за смерть своего отца-императора, к тому же уже собрал войска и приказал им ожидать, разместив на границах страны, поэтому, если дела пошли так, какое решение примет молодой господин? Прикажете большой джонке отправляться к берегам Тун и встретитесь с глазу на глаз с принцем, или скроетесь от опасности, как трусливый пёс, поджав хвост?

— Ик... — Фэн Мин открыл рот, поглядывая на окружавших его служанок и охрану.

Ло Юнь действительно не стал отпускать убивающих наповал колкостей — он задал один убивающий наповал вопрос. Довольно безжалостно...

— Ло Юнь, много себе позволяешь! — Князь ещё не успел отреагировать, как Жун Ху внезапно поднялся с места и, широким шагом подойдя к юноше, встал перед ним — лицом к лицу. — Куда князь Мин захочет, туда и отправится, а не будет ждать твоего вмешательства, — вернул Жун Ху, почти так же ответив Ло Юню, который недавно выплюнул нечто подобное ему.

Фэн Мин нахмурился.

На самом деле люди Жун Тяня постоянно ввязывались в стычки с головорезами Сяо Цзуна. И этот раз не являлся исключением. Ду Фэн, оказавшись свидетелем неожиданно свалившегося, как снег на голову, спора, слегка удивился, однако он, будучи по природе осторожным человеком, не осмелился вступать, а, наоборот, поднялся с места и, встав в стороне, тихонько наблюдал за развитием событий.

Губы дрогнули в едва заметной холодной усмешке, а сам Ло Юнь сказал:

— Как смеет слуга указывать место молодому господину? Вот только молодой господин тогда согласился принять решение после того, как лазутчик разведает обстановку. Сейчас он

вернулся — в Тун обстановка, как и ожидалось, остаётся прежней, поэтому спрашивать о дальнейших действиях молодого господина вполне уместно.

— Ты сейчас вынуждаешь!

— Ерунда, кто смеет вынуждать молодого господина рода Сяо? — Ло Юнь всё же обнажил холодную усмешку. — Если он испугался, то может не ехать, хех.

— Чего ты фыркаешь? — также возмутилась Цю Юэ и с горящим взором уставилась на юношу.
— Он твой молодой господин, как ты смеешь так бесцеремонно к нему относиться?

Ло Юнь, мазнув взглядом по князю, пробормотал:

— Цепляющийся за жизнь трус разве может занимать место молодого господина рода Сяо?

— Что ты сказал? Много себе позволяешь! Давай, заткни мне рот! — на этот раз даже Цю Син рассердилась.

Пока между двумя сторонами разгорался конфликт, Цю Лань, заметив, как Ло Юнь зло смотрит на князя, собираясь кинуться на него, словно выпущенная стрела, отважно заслоняла Его Светлость. Они защитят князя Силэй.

В сердце князя, тем временем, словно вонзилось что-то острое. И чем был вызван этот укол: то ли непонятным поведением Цю Лань или же словами Ло Юня «цепляющийся за жизнь трус» — неизвестно.

— Трус! — вскользь выплюнул Ло Юнь.

— Рот закрой!

— Ло Юнь! — крикнул Жун Ху. — Ты знаешь семейные устои рода Сяо? Брань в сторону молодого господина карается казнью!

— Казнить меня, да за что? Как он может стать членом семьи Сяо? — презрительная речь Ло Юня словно плеть хлестнула по телу князя, заставляя его вздрогнуть, а стоя за спиной Жун Ху, Фэн Мин по-прежнему видел презрительное лицо Ло Юня.

То презрение, что таилось в голове, вырвалось наружу и наполнило юношу гневом и пренебрежением. Нельзя винить Ло Юня, ведь, может быть, этот молодой господин действительно являлся разочарованием рода Сяо. В конце концов, это сколько же понадобилось поколений, чтобы скопить такое огромное богатство и власть?

Но это всё упало в руки совершенно не желающего ничего принимать князя, который смотрел на драгоценности сквозь пальцы.

— Ты несёшь вздор, нельзя ругаться на князя Мина! Князь Мин является...

— Лучшим, потрясающим и очень умным? — Ло Юнь не торопясь задал встречный вопрос. — Ты смеешь сказать, что он великий муж, головой подпирающий небо, а ногами стоящий на земле[1]?

— Ты... ты... — Кто бы мог подумать, что у Ло Юня окажется такое красноречие, заставляющее Цю Юэ от гнева потерять очаровательный голосок, а сама служанка, дрожа, ещё несколько раз повторяла «ты», что даже глаза покраснели.

Фэн Мину было очень тяжело на душе. Более того, он заметил, как плечи Цю Юэ мелко задрожали. Стоя в стороне, он смотрел, насколько эти непоколебимо преданные и всем сердцем защищающие его охранник вместе со служанками бесстрашно заступились за него, отражая нападки Ло Юня, и душу охватила неопишуемая печаль.

Какой он, в конце концов, князь? Стоя за спинами защищающих его служанок и охранника, Фэн Мин, видя крайне разочарованного в нём Ло Юня, чувствовал нарастающую в душе небывалую ненависть к себе, к собственной боязни смерти и трусости.

С какой стати? Позволить Цю Лань и остальным очаровательным девушкам в компании с никчёмным князем Мином сносить подобные обиды? Ни за что...

Бездонные глаза Жун Ху были полны устрашающей мощи:

— Ты прекрасно знаешь, что Тун представляет собой опасно...

— Я поеду, — среди наполненного гневом и враждебностью рыка внезапно раздался невесомый голосок. Настолько невесомый, что лишь спустя несколько минут ко всем пришло осознание, кому он принадлежал.

— Князь Мин?

— А? Князь Мин, Вы...

— Нет!

— Я поеду.

Внимание множества людей, которое до этого было сосредоточено на споре между Жун Ху и Ло Юнем, сейчас переключилось на только что прервавшего молчание Фэн Мина.

— Я решил поехать в Тун, — приглушённо отозвался князь, сделав глубокий вдох.

Слова прозвучали так внезапно, что даже Ло Юнь был крайне удивлён и после недолгого молчания сказал:

— Подумайте, потом говорите. Род Сяо никогда не раскидывается словами.

— Если уж решил, то не передумаю.

К тому же не ехать тоже нельзя. Фэн Мин окинул взором собравшихся в гостиной людей, пребывавших в состоянии боевой готовности[2], и сдержал почти появившуюся печаль на лице.

Может, не стоит ехать? Папаша Сяо Цзун ясно приказал своим головорезам в любое время обнажить меч, и даже при поддержке министра Силэй — Ле Чжунлю — первоначальное решение Его Светлости также могло ожидать ветер и дождь[3].

«И раз уж не избежать, то нужно стойко идти навстречу трудностям. Жун Тянь, окажись на моём месте, наверняка не так сильно печалился бы по такому делу. Ты всегда непоколебим, держись гордо, хладнокровно и спокойно относишься ко всему в критических ситуациях. Надеюсь, я не позволю тебе потерять лицо».

— Это разве не простое путешествие в Тун? И незачем так смотреть на меня. — Фэн Мин окинул взглядом всех с заботой смотрящих на него служанок и с трудом выдавил улыбку.

— Князь... князь Мин...

— По слухам, у побережья Тун очень красивый пейзаж.

«Поездка неизбежна. Цю Лань, вы так сильно расхваливали меня, искренне считая меня превосходным князем Мином. Я надеюсь, что смогу стать им. По крайней мере, должен постараться».

— Я уже принял решение, убери руку с меча. Ло Юнь, вернись на своё место. Незачем спорить, — Фэн Мин встретился с сомнительным взглядом Ло Юня.

Но князь высоко поднял голову: сейчас, пусть даже только ради защиты своих нежных служанок, но он, Фэн Мин, проявит гордость князя Мина из Силэй и молодого господина рода Сяо. Более того, очень серьёзным, какой только был возможен, и крайне решительным тоном князь медленно проговорил:

— Страна Тун опасна, но неужели опаснее, чем Ли? Я побывал в Боцзянь, в Фаньцзя, в Дунфань, в Ли, так с какой стати побоюсь путешествия в Тун? Я еду. Жун Ху.

— Здесь!

— Поднимай якорь, мы отправляемся в Тун.

Другие не знали, как отреагировать, но среди них воцарилась странная тишина. Лишь спустя долгое время князь заметил что-то неладное:

— Жун Ху, почему не пошёл отдавать приказ поднимать якорь?

— Князь Мин, — приглушённо начал телохранитель, — мы договорились с Сяо Лю, что будем здесь ждать его.

— Ах, совсем забыл, — заскучав на секунду, князь поднял голову и встретился со взглядом Ло Юня. — Сейчас ты можешь сказать, где мне отыскать Вэньлань? — До этого крайне решительно проложив окончательный маршрут, Фэн Мин заставил этого смотрящего на него свысока подчинённого слегка удивиться, поэтому сейчас князь Мин пребывал в своей тарелке, да и тон звучал мягче, чем до этого.

В итоге Ло Юнь в этот раз оказал молодому господину уважение, а услышав приказ снова занять своё место, и вовсе убрал руки с меча, вот только в лице никак не изменился, оставшись как всегда равнодушным подчинённым, который небрежно ответил:

— У рода Сяо нет этого цветка.

Фэн Мин нахмурился и, изучив его интонацию, холодно вернул:

— У Сяо Цзуна нет? Тогда у кого есть?

— У матушки молодого господина.

— А? — Хоть и было понятно, что после недавнего решительного смелого поведения Фэн Мин должен был поддерживать престиж как князя Мина, так и статус молодого господина, и обнажать удивление или выставлять себя глупцом теперь — крайне неподобающе, но, увы, слышав ответ Ло Юня, князь вернул себя прежнего, приняв глупое выражение лица. Его мать, женщина с кучей сюрпризов, оставила его.

— Госпожа Яое посадила очень много растений. — Ло Юнь, окинув взглядом, задал встречный вопрос: — Неужели молодой господин не знал, что у госпожи есть навык выращивать крайне редкие цветы?

Фэн Мин не проронил ни слова.

«Чёрта с два знал! С этой любимой матушкой виделась недолго, и то, когда она отравила меня и Жун Тяня, а потом исчезла! Что это за мир такой, а?»

Пока князь горестно вздыхал, в ухо «вонзился» голос Ду Фэна:

— Благодарю князя Мина, сейчас, по крайней мере, знаю, где растёт Вэньлань. — Воспитанность мужчины действительно была уникальной, ведь после такого яркого шоу, в котором Жун Ху с Ло Юнем ругались друг напротив друга и пронзительно кричали с двух сторон гневно ругающиеся служанки, Ду Фэн по-прежнему сохранял невозмутимость, проявляя любопытство, изумление и крайнюю наблюдательность, ни ниточки не пропуская[4]. Попросту говоря, как будто ничего и не произошло.

К счастью, всё обошлось, иначе Фэн Мин неизвестно как должен был с неловкостью объяснять Ду Фэну весь данный инцидент. Выказав благодарность чуткости мужчины, князь спешно проговорил:

— Я сразу же напишу письмо моей матушке, попрошу доставить на джонку посланников с Вэньлань. — Хоть он и не знал, где сейчас находится госпожа Яое, вот только Сяо Цзун наверняка знает; хоть неизвестно, где Сяо Цзун, но Ло Дэн, несомненно, в курсе, поэтому данный вопрос стоило задать Ло Дэну, и всё.

Больше не глядя на Ло Юня, князь, повернувшись, обратился к Ду Фэну и всеми силами старался улыбнуться как можно дружелюбнее и спокойнее:

— Так неловко перед старшим братом Ду, все живём вместе, потому неизбежны мелкие ссоры и скандалы. М-м, лучше приглашу старшего брата Ду погостить здесь несколько дней, а когда привезут Вэньлань, старший брат Ду может, взяв с собой камень Аньшэнь и цветок Вэньлань, вместе с нами отправиться к принцессе Чан Лю в Тун. Что думает старший брат Ду?

Раз уж они стали приятелями, а называть Ду Фэна «принцем» слишком непривычно, Фэн Мин по собственной инициативе переименовал мужчину, став называть его «старший брат[5] Ду».

Но кто бы мог подумать, Ду Фэн не кивнул, а лишь тихо вздохнул:

— Я ещё не озвучил третье условие Чан Лю.

— Э? — И князь ударил себя по затылку. — Я и забыл, что есть третье условие, надеюсь, оно не будет слишком трудным для выполнения. — «Не дай Небо, если это окажется чем-то, что нельзя достать даже за деньги, как Вэньлань...»

— Третье условие и трудным не назовёшь, но и лёгким тоже. — Крайне наблюдательный Ду

Фэн посмотрел на лицо князя и сразу же понял, что Его Светлость что-то тревожит внутри, потому опередил, сказав: — Больше она о своих желаниях приобрести что-нибудь не говорила.

Все вздохнули с облегчением.

А Ду Фэн продолжил:

— Она просила не искать с ней встреч.

Плечи немного поникли. Что это за требование такое? Увы, но в действительности слепая любовь тяжела, и от неё не скрыться никому. Из всех трёх требований, вероятно, это было крайне болезненным для Ду Фэна.

Кроме Ло Юня, все сочувствующе посмотрели на Ду Фэна. Однако сам мужчина, хоть и пребывал в печали, но по-прежнему сохранял непринуждённость, более того, заметно улыбнувшись, пробормотал, словно разговаривая сам с собой:

— Я правда не знаю, то ли с благодарностью принять это требование, то ли его ненавидеть. Увижусь или не увижусь, исход будет один — печаль. Но, если уж на то пошло, она обратилась ко мне, как можно её вновь разочаровать?!

— Тогда я помогу Вам передать Вэньлань принцессе, — немного поколебавшись, ответил Фэн Мин.

Во всяком случае он уже решил отправиться в Тун, и попутно поможет Ду Фэну передать цветок Чан Лю, и как раз посмотрит на эту страдающую от любви принцессу Чжаобэй, можно сказать, внесёт собственную лепту. Только надеясь, что супруг Её Высочества, он же по совместительству сын императора Тун, при первой встрече не убьёт князя.

Подобный план совпадал с намерением Ду Фэна, который немедля сложил руки в знак благодарности:

— В таком случае премного благодарен. — Церемонный поклон, отвешенный Фэн Мину, являлся крайне важной любезностью, так как дело затрагивало принцессу Чан Лю.

Поддерживая мужчину, князь помог ему подняться и добавил:

— Тогда и камень Аньшэнь...

— Ничего страшного, если Вэньлань немного задержится, но вот камень Аньшэнь нужен, чтобы победить болезнь Чан Лю, я могу отправить кого-нибудь другого, чтобы он, не останавливаясь ни секунды, поспешил в Тун, где, попав во дворец, передал Чан Лю, — сказал

Ду Фэн. — К тому же в Тун у меня есть несколько приятелей, которые имеют право войти во дворец и лично встретиться с Чан Лю.

Что касается обширных дружеских связей и множества друзей, то никто не мог сравниться с этим поистине потрясающим принцем, которого знали повсеместно.

Подобный ход был просчитан до мелочей, так как если князь доберётся до берегов Тун, то вряд ли, неся с собой спасительный камень Аньшэнь, оказался бы перед принцессой Чан Лю, потому передать вещицу местным знакомым было очень правильным решением.

Фэн Мин слегка кивнул:

— Хорошо, тогда договорились. Я тогда сейчас отправлю письмо матушке, надеюсь, орхидея приедет к нам до прибытия в Тун.

Но внезапно Ду Фэн принуждённо сказал:

— Я ухожу.

— Что? Так скоро? — Князь никак не предполагал, что мужчина вдруг заявит об уходе, и, не в силах расстаться, стал уговаривать: — Задержитесь на несколько дней, ведь, во всяком случае, планируемую поездку в Фаньцзя Вы уже отложили.

Ду Фэн уже показал, насколько глубоки его чувства к Чан Лю, но такой талантливый и блестящий муж мог бы и остаться на борту джонки, к тому же служанкам разговаривать с ним было крайне увлекательно, потому выражения лиц трёх милых девушек стали почти одинаково[6] страдальческими.

— Принцу ничего не мешает остаться, князю Мину очень нравится общаться с Вашим Высочеством.

— Да, по крайней мере останетесь здесь, пока не пристанем к берегам Тун, ну а потом можете продолжить свой путь, уже нигде не останавливаясь.

— Ваше Высочество, неужели что-то случилось и не терпит отлагательств? По мнению служанок, лучше остаться на корабле, а потом, узнав, получила ли принцесса Чан Лю свой камень Аньшэнь и Вэньлань, можете уезжать.

— Верно-о, верно-о! Наш князь Мин наверняка поспособствует, чтобы принцесса Чан Лю получила в руки камень Аньшэнь и Вэньлань, а после того, как получим новости о том, что подарки доставлены, мы расскажем всё Вашему Высочеству. Вашему Высочеству нужно лишь согласиться остаться...

Услышав советы, что наперебой раздавали красноречивые служанки, пребывающий как всегда в непринуждённом настроении Ду Фэн слегка улыбнулся, скользнув и встретившись взглядом уже со всеми в комнате, чем заставил всех успокоиться и только после этого обнажил слабо-горькую усмешку, спрашивая:

— Находясь так близко к ней, как я смогу сдержаться и не увезти с собой из дворца Тун? Каждый шаг, что приближает к Тун, отбрасывает все горестные мысли, позволяя проклянуться желанию схватить Чан Лю и, не заботясь о последствиях, сбежать с ней, потому, боюсь, Ду Фэн не сможет совладать с собой. Я очень боюсь этого.

Эта причина была действительно крайне обезоруживающей. Расстроенный ответ Ду Фэна даже такую мечтательную натуру, как Цю Юэ, вынудил тотчас же замолкнуть. С такими делами, несущими в себе тяжёлые последствия, шутить нельзя, ведь может случиться, что Ду Фэн и впрямь потеряет самообладание и насильно увезёт Чан Лю с собой, тогда, помимо казни «тысячи клинков»[7], к которой могут приговорить возлюбленных, вероятно, Тун объявит войну Чжаобэй.

Война! Те, кто могут так легкомысленно начать войну — Жун Тянь и Жо Янь, но они, конечно, исключение.

— Поэтому я и собираюсь уходить, — договорив, Ду Фэн протяжно вздохнул и, переведя взгляд, обратился к Фэн Мину: — Раз уж теперь сдружились, позднее я могу вновь отыскать Вас.

— Надеюсь на скорую встречу, — пробормотал князь, глядя на принца, постоянно казавшегося равнодушно-спокойным, как бы грустно и тоскливо ему не было. Юноша, если бы не собственное смущение, пожалуй, на слова принца пошутил бы, но вместо этого он немедля взял себя в руки и улыбнулся: — Вы действительно хотите прямо сейчас уйти? Хорошо, я провожу Вас.

Ведя за собой толпу слуг, Фэн Мин лично проводил на палубу Ду Фэна. Когда они оказались за стенами гостиной, небо уже посветлело, заставляя князя невольно и протяжно вздохнуть о том, как время летит, словно стрела.

Слава «нежеланного государя» действительно распространялась не зря. Князь, обратившись к Его Высочеству, со вздохом улыбнулся:

— Хоть наша встреча была короткой, но я чувствую, что мы дружим на протяжении многих лет.

Ду Фэн вовсе не обладал такой красотой, как Лу Дань, и дерзостью, как Жун Тянь, но вот что у него было с лихвой — это превосходные манеры, смешанные с добротой и равнодушием. Если перефразировать слова, что тогда сорвались с уст учителя, то можно пятью словами описать «нежеланного государя»: скромный, благородный, честный, нравственный и умиротворённый — последнее слово попадает точно в цель[8]. Находясь в его компании, чувствуешь некий уют.

Если бы к этому путешествию по воде присоединился такой интересный и многое знающий попутчик, то, несомненно, это принесло бы немало радости. Но, к сожалению, удача обошла князя стороной.

Несколько часов назад Ду Фэн, причалив к джонке, привязал свою лодку поблизости от неё.

— Когда мы ещё встретимся? — глядя, как его подчинённые подходят к верёвке пришвартованной лодки, князь понимал, что расставание вот-вот произойдёт, потому, не выдержав, и задал данный вопрос.

Ду Фэн, слегка нахмурившись, прыснул от смеха:

— К счастью, императора Силэй здесь нет, иначе, увидев такого князя Мина, боюсь, он бы сильно заревновал. Ду Фэн действительно виноват. Увы, правда ли, что я, как говорит народ, от природы безжалостный распутник, оставляющий любовь повсеместно? Чан Лю страдает в Тун, а я по-прежнему встречаю хороших друзей и веселюсь с ними.

Но Фэн Мин быстро поправил:

— Встреча с близкими друзьями, конечно же, радость, Вам не нужно себя корить. Хотя мне очень тяжело, что Жун Тяня нет рядом, но я всё равно, встретившись с Вами, повеселился. — А в душе подумал: «Вот только моя судьба сложилась куда лучше, чем у Чан Лю, Жун Тянь и Чан Лю совершенно разные, ведь император Силэй скоро приедет, и мы воссоединимся вновь».

Ду Фэн, неизвестно о чём глубоко задумавшись, молчал. Конец лодки уже был развязан, люди семьи Сяо спустили на воду судёнышко и могли позволить Ду Фэну сойти с палубы и, сев в лодку, уплыть. Вот только в это время, следуя за мужчиной, никто не знал, как тактично ему об этом намекнуть.

Немного поразмышляв, Ду Фэн внезапно ласковым взглядом, в котором читалась шелковинка приветливого любопытства, посмотрел на князя:

— Умеет ли князь Мин играть на сяо[9]?

— А? Это? — Фэн Мин густо покраснел, смущаясь. — Да так... — «Поэтому оставлять у меня Вашу флейту действительно было крайне расточительно...»

— Открою кое-какой секрет князю Мину, хорошо? — внезапно понизил тон мужчина.

Его голос изначально был звонким и мелодичным, а сейчас стал не только приятным, а даже наоборот, обольстительным и крайне притягательным.

Сам же князь никогда не отказывался посекретничать, тем более с Ду Фэном, потому любопытство тотчас охватило душу, и Фэн Мин взволнованным шёпотом спросил:

— Что за секрет?

Хоть двое мужчин приглушённо говорили, однако стоящие рядом слуги Его Светлости могли всё слышать. У Цю Юэ и остальных двух девушек уши ещё больше наострились.

— На самом деле я очень редко играю на ней.

Фэн Мин мазнул взглядом по Его Высочеству:

— Не верю.

— Я никогда не обманываю своих друзей, — с серьёзностью вернул Ду Фэн. — Мелодия флейты трогательная, а из-за того, что необычная, то прекрасное звучание даже при однозвучной игре тоже будет проникновенным.

— Правда? — князь колебался между верой и недоверием.

Но от услышанного Фэн Мин внезапно почувствовал сердечный зуд[10], на самом деле князь вовсе не собирался играть на флейте, лишь носить за поясом для видимости, но если всё так, как говорит Его Высочество, и можно как попало играть на ней, всё равно рождая красивую музыку, в таком случае следует попробовать.

Размышляя, князь достал из-за пояса нефритовую флейту и приложил к губам, как это делал Ду Фэн в его воспоминании, когда играл на ней:

— Вот так?

Князь никогда не задумывался, насколько мил, потому Цю Юэ и Цю Лань вместе с остальными слугами невольно расхохотались, даже Ду Фэн растянул губы в лёгкой улыбке.

— Слегка поднимите руки, — Его Высочество вытянул руку, помогая Фэн Мину скорректировать позу и постепенно наставляя, — не нужно прилагать слишком много силы, играть нужно с лёгкой одухотворённостью. Наберите воздуха и опустите его к низу живота[11], когда немного сосредоточьтесь на игре, медленно выдувайте. Когда князь Мин пьёт чай, дуете на пар, чтобы остудить? Играйте на ся, словно дую на чай, и тогда почувствуете это лёгкое воодушевление.

Неизвестно, то ли у князя Мина был талант, или же хорошие учителя создают хороших учеников[12], но Ду Фэн дал небольшие указания, а Фэн Мин сразу же подул, действительно

издавая крошечную «песню» флейты. И прав был Ду Фэн, когда говорил, что звук у его инструмента прекрасный и необыкновенный.

Конечно, если сравнивать с игрой Его Высочества, то это небо и земля, но так как это была первая в жизни князя игра на нефритовой флейте, результат уже превзошёл все ожидания. Конечно же, не стоило говорить о Цю Лань и двух других служанках, которые, естественно, немедля захлопали в ладоши, восторженно крича:

— Очень приятная мелодия! Князь Мин большой молодец!

Даже Жун Ху одобрил:

— Очень красивая мелодия.

Расхваленный Фэн Мин ликовал.

Вот только он не являлся самонадеянным человеком и, немного поиграв, улыбнулся, выражая благодарность мужчине, и снова проговорил:

— Я понимаю, что Вы только что поскромничали, говоря, что как угодно можно дуть и всё равно мелодия получится такая же хорошая, как у Вас. По-моему, мне нужно на протяжении многих лет тренироваться, дабы получалась такая же превосходная песня[13], как у Вас.

Атмосфера печали и горести от расставания внезапно ослабла, и довольно сильно.

С минуту внимательно послушав игру на сяо в исполнении князя, Ду Фэн искренне сказал:

— Мне пора.

Глубоко в душе князь понимал, что мужчина, чтобы Его Светлость не горевал, ненадолго задержался. И также глубоко в душе он осознавал, что совершенно не хочет расставаться с Его Высочеством, но вместе с этим разум охватило изумление — этот мужчина вовсе не Жун Тянь и сейчас собирается уйти, но почему же ему, князю из Силэй, расставаться с ним так же тяжело, как и с Жун Тянем?

Проморгавшись, Фэн Мин вздохнул с досады и кивнул:

— Я понимаю, Вам пора. — После чего махнул рукой, подзывая подчинённых, которые доложили, что лодка уже готова.

Толпа в бессилии смотрела, как мужчина спускается к судёнышку, и, когда лодочка,

покачиваясь на воде, медленно стала отплывать, почувствовала тяжесть на душе.

Внезапно резко выдохнув, Жун Ху махнул рукой, громко обращаясь ко всем стоящим на палубе:

— Расступитесь! Не заслоняйте обзор, так как мы ожидаем кое-кого!

Все вздрогнули от его крика и, вытянув шеи, посмотрели вдаль, где действительно показалась лодка, только, в сравнении с судёнышком Ду Фэна, эта была чуть больше. Неизвестно, когда она появилась, но другие корабли, защищавшие основной корабль молодого господина, преградили лодке путь.

Приказывая большим джонкам пропустить новоявленного гостя, Жун Ху доложил Фэн Мину:

— Князь Мин, это Сяо Лю.

Князь слегка кивнул. И в самом деле, находящийся на лодочке человек, что-то обсуждавший с людьми господина Сяо, фигурой смутно напоминал Сяо Лю, с которым вчера встречался Его Светлость. Ло Юнь, узнав прибывшего и посчитав своим человеком, махнул подчинённым, приказывая пропустить. Вскоре они увидели, как лодочка Сяо Лю, проплыв мимо прочих джонок, направилась к ним.

— Ах! — внезапно вспомнив, что они ещё не проводили старого гостя, Фэн Мин спешно опустил голову, выискивая взглядом мужчину.

И действительно, Ду Фэн, по-прежнему находясь в лодке, обернулся и смотрел на вновь прибывшего Сяо Лю, но заметив на себе взгляд князя, Его Высочество беззаботно бросил Фэн Мину:

— У князя Мина много друзей, один ещё не уехал, как другой уже на пороге. Это хорошо, скучать не придётся, — не дожидаясь ответа, Его Высочество обратился к присутствующим и, сложив руки в знак прощания, поклонился, затем взял длинное бамбуковое весло, лежавшее рядом, и опустил в едва сияющую гладь воды.

Никто не видел, прикладывал ли он усилия, но лодочка, внезапно качнувшись, отстала от джонки и поплыла в противоположную сторону от приближающегося Сяо Лю.

Князь вместе со своей свитой, подняв взгляд, провожал новоиспечённого приятеля, но, несмотря на досаду, отстранённый и беззаботный силуэт уплывал всё дальше и дальше, беспечно, медленно исчезая из виду. Когда силуэт Ду Фэна потускнел, а на борт корабля поднялся Сяо Лю, Фэн Мин, в свою очередь, горестным взглядом проводил «нежеланного государя» и, словно пробудившись, обернулся, замечая стройную и высокую тень.

Жун Ху, пребывая вне себя от счастья, что было редкостью, представил:

— Князь Мин, это и есть Сяо Лю.

Юноша был облачён в серый верх, стройные ноги обтягивали вплоть до лодыжек брюки из хлопчатобумажной ткани, которые приходились ему по фигуре, на безупречной талии красовался пояс, ну а на плечах накинут бледно-серый плащ с капюшоном. Подобный наряд хоть и не привлекал внимания, но самому Сяо Лю приходился в самый раз, в нём он казался осторожным и невозмутимым.

Увидев, что князь Мин окидывает его взглядом, Сяо Лю улыбнулся, обнажая зубки, и попросил прощения:

— Сяо Лю заслуживает смерти, так как заставил князя Мина слишком долго себя ждать. — И, медленно подойдя, поклонился.

Хоть Цю Лань и близняшки постоянно прислуживали господину в стенах дворца Силэй, однако скрытую мощь Жун Тяня никогда в глаза не видели. И сейчас впервые смогли так близко рассмотреть Сяо Лю, посланника от резиденции наследного принца, с помощью которого «магия, несущая большие перемены» увенчалась успехом.

Сам князь испытывал к нему огромную симпатию; подождав, когда юноша выпрямится, Его Светлость с радостью схватил руку вновь прибывшего и, смотря сверху вниз, с удивлением вымолвил:

— Ха, почему у меня такое ощущение, что лицо его очень знакомо? — Вот только на памяти это должна быть их первая встреча, кроме той, случившейся вчера на «магическом представлении», когда юноша находился на помосте, а князь — внизу, среди толпящихся зевак на площади у городских ворот.

Жун Ху спросил:

— Может, потому что он немного похож на государя?

От одной только фразы все присутствующие в тот же миг уставились на Сяо Лю, а Цю Син первая вскрикнула:

— И в самом деле! Есть нечто схожее между ним и государем.

На что Фэн Мин сказал со смехом:

— Я же говорю, неудивительно, что его лицо мне показалось знакомым.

На реке было ветрено, потому князь, улыбаясь, пригласил проследовать за ним в гостиную, где все вновь расселись и Сяо Лю, не отказываясь от гостеприимства, сел на место, которое недавно занимал Ду Фэн.

— Ик... нынешнее событие... спасибо Сяо Лю, что пришёл на помощь[14], ведь если бы не ты, то итог оказался бы плачевным.

Всё же первая встреча, да и Фэн Мин плохо знал Сяо Лю, потому разговор не был столь душевным, как, например, с Жун Ху и Ле-эром. Подумав какое-то время, князь вспомнил, что нужно сначала поблагодарить, и, не удержавшись, поинтересовался:

— Как получилось, что ты внезапно оказался на месте казни?

Сяо Лю крайне скромно рассмеялся, но совершенно не вызывая у собравшихся смущения или чувства неловкости, и, разумеется, услышав вопрос Его Светлости, юноша улучил момент, на протяжении которого мягко поведал о разговоре между ним и Жун Тянем.

Услышав, что слуга виделся с императором Силэй, князь так разнервничался, что не смог совладать с собой и стал неоднократно вставлять слова, спрашивая:

— Он спешил? Похудел в дороге? Увы, я в Юньинь, знал бы раньше, то задержался бы у пристани Фэньчэн, где наверняка договорился бы о встрече с ним, было бы замечательно. В таком случае он сказал, когда отыщет меня?

Сяо Лю совершенно не возражал, когда Его Светлость прерывал его разговор, и отвечал:

— Государь сказал, что сначала хочет добраться до Дунфань и только потом отыщет князя Мина.

Фэн Мину словно кто-то отвесил оплеуху, отчего князь тихо заплакал и немедля впал в уныние. Увидев это, Цю Лань и близняшки спешно бросились утешать: «Государь очень скоро приедет», «Да и Дунфань отсюда неподалёку», «Может, князь Мин не успеет доплыть до берегов Тун, как государь уже вернётся» и так далее.

Вот только Цю Юэ, уговаривая, косилась на рядом стоящего дурного мальчишку, который, как обычно бывало, при удобном случае отпускал в их сторону холодное фырканье и безудержный смех, однако сейчас, когда Его Светлость раскапризничался, словно ребёнок, Ло Юнь почему-то молчал.

Сяо Лю продолжил рассказывать свою историю, упоминая, как он сутки напролёт мчался на место казни, дабы спасти Чао Аня, и при случайном стечении обстоятельств, повстречавшись на пути с Лэ Тином, схватил несчастного. На этом моменте Жун Ху разразился смехом, ладонью ударяя по бедру:

— А я всё хотел спросить, как Лэ Тин оказался у тебя в повозке, да ещё и под сиденьем? Оказывается, вот как, ха-ха, теперь понятно!

Цю Юэ, подёргав рукав Цю Лань, состроила рожицу подруге.

Жун Ху, естественно, тесно дружил с Сяо Лю, в противном случае разве мог телохранитель Силэй так обрадоваться появлению сослуживца? Его словно подменили — он сильно оживился при их встрече. Фэн Мин же, обычно хандривший не больше трёх минут, недолго унывал, более того, слушая рассказ Сяо Лю, постепенно воспрял духом и, находясь в стороне, заплодировал со словами:

— Не думал я, что моё первое «магическое представление» окажется ужасно потрясающим, но, к счастью, ты не убил Лэ Тина, иначе мы спасли бы только Чао Аня и навредили генералу, вышло бы скверно.

Цю Лань и остальные слуги кивнули, поддакивая. Сяо Лю, закончив рассказ, почувствовал жажду, которую утолил чай, после чего, помолчав какое-то время, юноша внезапно открыл рот:

— Есть один вопрос, я всё думал, но никак понять не могу, потому хочу посоветоваться с князем Мином. — Его манера речи была крайне убедительной, причем настолько, что сердце у князя подпрыгнуло.

«Вопрос? Опять вопрос... не может быть...»

И Фэн Мин робко поинтересовался:

— Какой вопрос?

На что Сяо Лю искренне посмотрел на него:

— Я в какой-то мере догадался, что вчера на месте казни лежавшего в том деревянном ящике преступника немедля вытащили перед тем, как ящик подвесили прилюдно. Но... — Юноша хмуро добавил: — Раз уж преступника вытащили, тогда почему же, когда ящик подожгли, внутри кто-то ужасно и отчаянно бился, словно хотел высвободиться? Неужели князь Мин, вытащив Чао Аня, подложил вместо него другого преступника?

— Конечно же нет, как я могу быть таким безжалостным? — вытянувшись в струнку, ответил Фэн Мин, но вслед за этим сомнение открыло ему глаза, и князь пробормотал: — А ведь верно, изнутри как будто кто-то трепыхался, но откуда? Внутри никого же не было, так?

Чем больше думал, тем дурнее становилось, отчего Фэн Мин в изумлении и недоверии обернулся посмотреть на Жун Ху, который был в таком же недоумении, как и Его Светлость.

Телохранитель приглушённо ответил:

— За подмену отвечал генерал Лэ Тин. Я во время обсуждения лишь сказал, что нужно оставить под местом казни деревянные рейки и разрыть большое отверстие, в которое мог бы поместиться человек. Когда заколачивали ящик, мы бы воспользовались моментом и, вытащив Чао Аня, спрятали его, да и потом не было смысла делать подмену. Вот только...

Вот только для Лэ Тина, генерала, прошедшего немало сражений, являлось ли убийство человека пустяком? Вероятно, Лэ Тин решил использовать преступника, сидящего в камере смертников, чтобы «магия» выглядела ещё более реалистичной, в итоге как решил, так и поступил.

Толпа обменялась растерянными взглядами, догадываясь, как всё произошло. Атмосфера внезапно стала давящей.

Огромная волна холода охватила душу. Если это так, и даже если изначально Чао Аня подменили на преступника, приговорённого к смертной казни, совесть не давала теперь Фэн Мину покоя.

«Принять смерть от клинка не так мучительно, чем быть заживо сожжённым, да и казни, само собой, отличаются, словно небо и земля. Слишком безжалостно!»

— Я знаю, — холодный, подобно льду, голос неторопливо раздался в комнате.

Обеспокоенная Цю Юэ, которая сейчас не могла отделаться от столь ужасного события, услышав этот голос, от страха подпрыгнула и гневно уставилась на говорящего, и, подбочившись, тонким голоском закричала:

— Знаешь-знаешь, что ты знаешь? Скажу тебе, что бы мы ни спросили, не вздумай этим шантажировать князя Мина! — договорив, девушка ещё злобней фыркнула.

Ведь совсем недавно Ло Юнь под предлогом вынудил Фэн Мина согласиться на поездку в Тун, и ещё никто пока не поквитался с ним за это. Благородный гнев охватил грудь, и толпа, объединившись против одного врага в лице юноши, пристально уставилась на Ло Юня.

На что Фэн Мин спросил:

— Ты знаешь, кто был внутри?

— Лишь одна крыса.

— Ик?

— После спасения Чао Аня они попутно подложили в ящик одну огромную крысу, живущую в Фэньчэне, — Ло Юнь был смертельно бледен и говорил так, будто то, что он знал, было совершенно неинтересным.

На самом деле такой красивый юноша, как Ло Юнь, если бы чаще улыбался, то наверняка вызывал бы симпатию со стороны девушек.

— Не правда. — Цю Лань, тщательно обдумав, с сомнением добавила: — Даже если крыса будет большой, она не способна поднять столько шума.

Ло Юнь холодно и равнодушно вернул:

— К хвосту крысы привязали верёвку, к которой были также привязаны два куска дерева, что создавали громкий звук. Когда ящик загорелся, крыса начала метаться, дерево стало стучать, отсюда и шум.

Все задумались: «Так вот в чём дело», и сердца немедля успокоились.

Князь первым, вздохнув с облегчением, прервал молчание, смеясь:

— Хорошо! Значит, это огромная крыса! И всё как по-настоящему, неудивительно, что «магическое шоу» окончилось успехом.

Но Цю Юэ не собиралась выпускать Ло Юня из поля зрения и с издёвкой спросила:

— Мы знать не знаем, откуда тебе об этом известно?!

— Это ты придумал? — спросила Цю Лань, вытянув шею.

Цю Юэ, всё также смеясь, махнула рукой со словами:

— Не нужно пороть чушь, что он может придумать? Спорю с тобой на пальчиках, что это не его идея. Наверняка это его люди из охраны Сяо всё разузнали и доложили ему.

Только слова стихли, как послышалась яростная ругань и сверкнул холодный блеск. Меч Ло Юня уже покинул ножны и оказался перед лицом служанки. Толпа впала в изумление, а сама Цю Юэ так испугалась, что замерла на месте, даже насмешливая улыбка застыла на лице, и, затаив дыхание, девушка запинаясь пролепетала:

— Ты... ты... чего ты хочешь? — от испуга девушка даже плакать в голос не осмелилась.

На что Ло Юнь вернул:

— Поспорим с тобой, а заодно я мечом отрублю твой палец, — говоря это, юноша, само собой, признавал, что эту идею лично подкинул Лэ Тину.

Но в данный момент какой прок раскрывать тайну, ведь, сверкая холодной сталью, остриё меча коснулось белой шеи служанки. Казалось, примени Ло Юнь немного силы, и меч тотчас же пронзит молодую и гладкую кожу. Цю Син тоже испугалась за сестру, да так, что губы побледнели, и, также запинаясь, близняшка с трудом вымолвила:

— Ло Юнь, Цю Юэ... она просто пошутила. Она... она пошутила!

Однако Ло Юнь проронил, как всегда, сухо:

— Я не шучу.

Жун Ху и Сяо Лю изменились в лице и, молча поднявшись с места и схватившись за рукояти мечей, застыли в ожидании приказа от Его Светлости. Сам же князь пребывал в смятении. Давать волю рукам нельзя, будет плохо, если кто-то из них получит ранение. Разумеется, Его Светлость очень любил Цю Юэ, но Ло Юнь, как бы то ни было, являлся членом охраны Сяо, к тому же он влиятельный охранник рода Сяо. Неужели, ещё не прибыв к берегам Тун, две группы охранников сойдутся в ожесточённом бою?

Тогда зачем же он согласился ехать на верную гибель, которая поджидала в землях Тун? Разве, чтобы избежать грядущего кровопролития, князь не кивнул? Ужасно... Что делать? Ведь только что мило сидели общались, так зачем внезапно выхватывать меч? Проклятие, кто затронул тему этой крысы в ящике и зачем?

— Цю Юэ, ты... скорее извинись, скажи... что больше не станешь над ним подшучивать, — Цю Син умоляла Ло Юня не делать резких движений и вдобавок старалась вразумить сестру.

Фэн Мин тоже поспешил смягчить атмосферу:

— Да-а, Ло Юнь, не сердись, Цю Юэ не хотела тебя обидеть, опусти меч, давай поговорим. Я попрошу Цю Юэ извиниться перед тобой, хорошо?

Спустя несколько минут Цю Юэ стала спокойнее, чем до этого, поначалу она до дрожи испугалась, но, услышав слова сестры и князя Мина, неизвестно почему закусил нижнюю губу и, внезапно вытянув шею, уставилась в глаза Ло Юню, упрямо выплёвывая:

— Я... я, ха, я не скажу! Хочешь убить меня, так убей, я не верю, что осмелишься это сделать.

Фэн Мину не хотелось смотреть на то, что происходило перед глазами. «Цю Юэ, неужели не знаешь, что все наёмники из рода Сяо сумасшедшие, так зачем говорить такие ужасающие слова?»

Увидев перед собой сверкающий меч, Цю Юэ звонко завизжала и, закрыв глаза, воскликнула:

— Я знаю! Я знаю, что ты ненавидишь меня! И уже давно думаешь убить! — горячие слёзы скользнули по молодой щеке.

Цю Лань и Цю Син тоже в один голос закричали. В крике трёх служанок показалось, что что-то хлопнуло, однако шея не болела. Почему не было ужасной боли? Неужели меч Ло Юня такой отточенный, что даже боли не причиняет? Цю Юэ с полуиспугом и полусомнением открыла глаза, в итоге обнаруживая, что Цю Лань вместе с Цю Син по-прежнему держали глаза закрытыми, более того, они выглядели так, будто вот-вот рухнут в обморок.

Фэн Мин остолбенел, но вот Сяо Лю и Жун Ху выглядели уже расслабленно. Меч Ло Юня вернулся в ножны, а сам юноша сейчас принял довольно ласковый вид, совершенно не такой, как обычно, даже весёлый. После того как молодой человек окинул взглядом почти до смерти напуганную[15] Цю Юэ, его тонкие губы слегка дрогнули в подобии улыбки и спустя долгое время блёкло «выплюнули» одну фразу:

— Ты самая ужасная плакса, которую я когда-либо видел. — Юноша договорил, однако неизвестно почему лицо, на котором читалось равнодушие, немного отвернул в сторону, словно не желая, чтобы кто-то другой сейчас увидел выражение его глаз.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: великий и могучий, гигантский, могущественный, сильный, крепкий.

[2] В оригинале фраза звучит как «лук наготове, и натянута тетива самострела», обр. в знач.: готов к бою; напряженное состояние, обстановка.

[3] Метафора, означающая трудности и страдания. Полная фраза также может звучать «□□□□□□□□ □ (jīng fēngyǔ, jiàn shìmiàn)», обр. пройти через бури и испытания, пройти школу жизни.

[4] Обр. в знач.: досконально, не упуская ни одной мелочи.

[5] Фэн Мин в обращении к Ду Фэну называет его сюн — □ (xiōng, kuàng) — что значит старший брат/старший, а также уважаемый друг/глубокоуважаемый (вежливое обращение к сверстнику либо к тому, кто старше).

[6] В оригинале фраза звучит как «исходить из одной колеи», обр. в знач.: быть сделанным будто по одному шаблону; совершенно одинаковый, сделанный по одной мерке.

[7] Дословно можно перевести как «тысяча клинков, десять тысяч порезов», то есть рассечь на множество кусков, изрубить.

[8] В оригинале фраза звучит как «с первой стрелы попасть в центр мишени», т.е. говорить по

существо [дела].

[9] «Играть на сяо» (俏俏) также можно перевести как жаргонное «делать минет».

[10] Обр. в знач.: (чувствовать) сильное желание, влечение, искушение.

[11] В китайской медицине понятие «ся даньтянь» означает жизненно важную область в организме, расположенную на 10 см ниже пупка; «даньтянь» также означает «половая сфера», «место сосредоточения жизненных сил».

[12] Учиться у мастеров; хороший преподаватель раскроет талант в любом ученике.

[13] 仙音 (xiān qīn) — сянь цюй — святая песнь/музыка небожителей, также образно означает превосходная песня/мелодия.

[14] В оригинале фраза звучит как «выхватить меч и броситься на помощь», обр. в знач.: стоять грудью за кого-то; прийти на помощь.

[15] В оригинале фраза звучит как «душа разума улетела, а душа тела рассеялась», обр. в знач.: страшно перепугаться, от страха душа ушла в пятки.

<http://bllate.org/book/13377/1190224>